

ДЕМОНСТРАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ

Уважаемый читатель!

Если вас интересует приобретение полной (электронной или печатной) версии книги, предлагаем вам связаться по всем вопросам с нашим менеджером по продажам Юлией:

т.ф./WhatsApp +7(914) 626 22-99;

E-mail: JuliaVakhrina@mail.ru

Благодарим вас за интерес к нашим книгам.

Редакция сайта «Камчадалы.ру»

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть II

КРЕСТНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович

В22

Масонский заговор : часть вторая. Крестник Петра Великого. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 88 с. (Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»).

ISBN 978-5-4386-1371-8

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

Слово историку Сергею Соловьеву: *«Дело состояло в следующем: камер-лакей Александр Турчанинов, Преображенского полка прапорщик Петр Ивашкин, Измайловского полка сержант Иван Сновидов составляли заговор с целью захватить и умертвить Елизавету и племянника ее, герцога Голицинского, и возвести на престол свергнутого Иоанна Антоновича; они говорили, что Елизавета и сестра ее Анна прижиты вне брака и потому незаконные дочери Петра Великого. Дело тянулось до декабря, когда виновных высекли кнутом и сослали в Сибирь, у Турчанинова вырезавши язык и ноздри, а у двоих товарищей его только ноздри».*

Информации, как видим, очень мало, и из нее трудно что-либо понять.

Следующий источник называется «Из дела о камер-лакее Турчанинове и других лицах, сужденных за намерение лишить престола императрицу Елизавету. 1742 года».

«Камер-лакей Александр Турчанинов, лейб-гвардии полков: Преображенского прапорщик Петр Квашинин, Измайловского сержант Иван Сновидов за нижеследующие вины, а именно: Квашинин во время восшествия императрицы Елисаветы Петровны на всероссийский престол помянутому Турчанинову, будучи во дворце, говорил: “Эдак вы, братцы, сыграли игрушку”. А как Турчанинов сказал: что-де делать, коли сделалось, чем пособить, то Квашинин говорил: надобно-де смотреть того, как бы этому пособить. Квашинин после того в разные времена говорил, что он начал собирать партию и собрал уже пятьсот человек, и с тем Турчаниновым придумал, чтобы тех собранных разделить надвое и ночным временем прийти к дворцу и, захватя караул, войти в покой к ее императорскому величеству, и его императорское высочество умертвить, а другую половину Турчанинову заарестовать лейб-компанию, а кто из них будет противиться, колоть до смерти, и назначил к тому день и где собираться, и о том хотел того Турчанинова

уведомить. А по прошествии того дня тому Турчанинову он, Квашинин, говорил: с собранною-де партией он было шел ко дворцу, и навстречу-де попался им вице-сержант Ивинский, и они-де, увидя его, разошлись. По приезде же в Москву он, Квашинин, с тем Турчаниновым о том же злом своем намерении упоминали, и при том он говорил, что-де прошло, тому быть так, а и впредь-де то дело не уйдет, и нами ль или не нами, только-де оное исполнится. А Турчанинов, слыша от Квашина, на то злое намерение не токмо нигде не доносил, но и тому злему намерению с тем Квашиным имел совет, чтобы оное прямым делом исполнить, хотя б и кроме Квашина с другими с кем, с чего он, Турчанинов, лейб-гвардии каптенармусу Парскому (который о том злом умысле доносил) говорил такие речи: принц-де Иоанн был настоящий наследник, а государыня-де императрица Елисавета Петровна — не наследница, а сделали-де ее наследницею лейб-компания за винную чарку, и чтоб тот Парский собрал партию человек в триста или и больше, и с тою бы партией идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а Принца Иоанна возвратить и взвести на престол по-прежнему.

Оный же Турчанинов тому Парскому и капралу Изъединову (кои о том были доносители) говорил: смотрите-де, братцы, как у нас в России благополучие состоит непостоянное и весьма плохое и непорядочное, а не так, как при третьем Иоанне было, и оный-де Иоанн — законный наследник и по наследству царя Иоанна Алексеевича, также первого императора, подлежит быть ему императором, и его-де назначила короноваться императрица Анна Иоанновна еще при животе своем; а лейб-компания сделала императрицею незаконно наследницею, что-де как царевну Анна Петровна, так и государыня императрица Елисавета Петровна первым императором прижиты

с государынею императрицею Екатериною Алексеевною до венца, и для того-де никак не подлежит быть у нас ей императрицею, а надлежит-де быть третьему императору Иоанну, да и императрице-де Екатерине Алексеевне быть на царстве не подлежало же, надлежало быть в То время второму императору, и то-де сделал генерал Ушаков.

Он же, Турчанинов, вымышленно от себя произносил: напечатан-де манифест: что швед возымел войну якобы за то, что принц Иоанн царствовать стал, незаконный наследник, а наследница-де государыня императрица Елисавета Петровна, и то-де оный манифест напечатал французский посол воровски, о чем-де знают и наши министры, и о том-де она, государыня, с тем послом вздумала ездить по Петербургу в одной коляске и лежа на подушках.

Оный же Турчанинов, тех Парского и Изъединова увещевая, говорил, чтоб собрать партию и, разделя на три части, идти к государыне в спальню, и как те Парский и Изъединов спросили: в то-де время государыню императрицу куда девать? То он, Турчанинов, сказал: туда-де ее и его высочество, где он их увидит, заколет, что и исполнить желал он для того, чтоб быть принцу Иоанну императором, а принцессе Анне — правительницею.

Сержант Сновидов вышеозначенному злему умыслу явился сообщником и в разговорах о принцессе Анне, и о муже ее, и о сыне их принце Иоанне помянутому Турчанинову говорил сожалительные слова, а как Турчанинов к тем словам говорил такие слова, что принц Иоанн был настоящий наследник, а государыня императрица Елисавета Петровна не наследница, и чтоб он, Сновидов, собрал партию из гренадеров и солдат, и с тою бы партией государыню свергнули с престола, то он, Сновидов, говорил, что он для такого дела друзей искать себе будет и кого сыщет, о том ему, Турчанинову, скажет, и после сказывал, что у него партии прибрано человек с шестьдесят.

Он же, Сновидов, многие склонные к тому злему намерению слова употреблял, и тем Турчанинова к тому злему умыслу поощрял и к доносу о том намерения не имел.

С учинением наказания кнутом и с вырезанием у Турчанинова языка и ноздрей сосланы в Сибирь в дальние города; Квашинин — в Вышерецкий острог, Сновидов — в Камчатку и Турчанинов — в Охотский острог».

Авторы книги «Повседневная жизнь Тайной канцелярии» Игорь Курукин и Елена Никулина пытаются найти в этом заговоре некую закономерность:

«...Дела Тайной канцелярии времен Елизаветы показывают, что совершенный гренадерами-преображенцами переворот одобряли не все. “Честь себе заслужили тем, что пришед в ношное время во дворец и напали на сонных с ее императорским величеством”, — осуждал их семеновец Алексей Павлов; его сослуживец Максим Судаков называл героев переворота “бунтовщиками и стрельцами”. Поручик Копорского полка Яков Панцирев в “вольном доме” в Ораниенбауме плюнул на манифест о восшествии на престол императрицы и объявил ее сторонников изменниками.

Кроме того, события 1741 года открыли одну закономерность российского “переворотства”: легкость и безнаказанность захвата власти породили в гвардейско-придворной среде настроения “переиграть” ситуацию: “в случае” оказывались немногие, а обиженных при дележе наград и чинов всегда хватало.

Уже в январе 1742 года Финч отметил ропот в гвардии. Летом этого года преображенский прапорщик Петр Квашинин, камер-лакей Александр Турчанинов и измайловский сержант Иван Сновидов считали возможным собрать “партию человек в триста или и больше, и с тою бы партией идти во дворец и государыню императрицу свергнуть с престола, а принца Иоанна возвратить”. На вопрос, что делать с императрицей, Турчанинов ответил: “Где он их

увидит — заколет”. Известное “дело Лопухиных” выявило подобные настроения и в придворных кругах: подполковник Иван Лопухин летом 1743 года заявлял о скорых “переменах” в правительстве и воцарении опять же “принца Иоанна”, при этом перечислял многих недовольных происшедшим переворотом офицеров».

Вот еще одно мнение:

«Из дела камер-лакея Александра Турчанинова и его сообщников — прапорщика-преображенца Петра Квашина и сержанта-измайловца Ивана Сновидова, арестованных в 1742 году, видно, что, действительно, налицо были преступные “сговор и заговор” с целью свержения и убийства императрицы Елизаветы. Сообщники обсуждали, как “собрать партию”, причем Квашин говорил Турчанинову, что он уже подговорил группу гвардейцев. Сновидов же “сказывал, что у него партии прибрано человек с шестьдесят”. Был у них и конкретный план действий: “Собранных разделить надвое и ночным временем придти к дворцу и, захватя караул, войти в покои Ея и. в. и Его императорского высочества (Петра Федоровича. — Е. А.) умертвить, а другую половиною... заарестовать лейб-компанию, а кто из них будет противиться, — колоть до смерти”. Ясно была выражена и конечная цель переворота: “Принца Ивана (свергнутого императора Ивана Антоновича. — Е. А.) возвратить и взвести на престол по-прежнему”.

Считать эти разговоры обычной пьяной болтовней нельзя — среди десяти тысяч гвардейцев было немало недовольных как свержением 25 ноября 1741 года императора Ивана Антоновича и приходом к власти Елизаветы, так и тем, что лейб-компанцы — три сотни гвардейцев, совершивших этот переворот, получили за свой нетрудный “подвиг” невиданные привилегии. Турчанинов, служа лакеем во дворце, знал все входы и выходы из него и мог стать проводником к опочивальне императрицы. А это

было весьма важно — ведь известно, что в ночь на 9 ноября 1740 года подполковник К. Г. Маништейн, вошедший по приказу Б. Х. Миниха с солдатами во дворец, чтобы арестовать регента Бирона, едва не провалил все дело: в поисках опочивальни регента он заблудился в темных дворцовых переходах. Раскрыть заговор Турчанинова позволила только случайность» (Анисимов Е. В. Русская пытка. Политический сыск в России. Санкт-Петербург, 2004).

ИВАШКИН ЛИБО КВАШНИН

На Камчатке (в том числе и в источниках, связанных с историей Сибири XVIII века) Квашнин известен как Иван Матвеевич Ивашкин, а вот в материалах Тайной канцелярии, которыми оперируют исследователи, пишущие о следственных делах, а самое главное — в правительственном указе — его называют Квашниным.

Кстати, и он сам, когда его привлекли в качестве переводчика для встречи с экипажем экспедиции Джеймса Кука, назвался Квашниным. Историки и краеведы полагали, что он назвался так, чтобы скрыть от иностранцев свое истинное имя, но получается, что было ровным счетом наоборот: он таким образом это — свое истинное — имя им открывал...

И тогда, наконец-то, становятся объяснимыми те характеристики, которые давал этому камчатскому ссыльному декабрист Владимир Иванович Штейнгейль, детство и юность которого прошли на Камчатке, и он из первых уст слышал то, что впоследствии рассказал нам: «В Камчатке в то время было интересное лицо, любимое всеми камчадалами, под именем Матвеевича; это Ивашкин, крестник Петра Великого. Офицер гвардии Анны Иоанновны, которого она благословляла на брак и которого потом, при восшествии на престол Елизаветы, высекли кнутом с ужасным вырезанием ноздрей. Лет 20 он прожил в Якутске и 40 в Камчатке. Я вскоре познакомился с этим интересным мучеником. Грешно было бы пройти молчанием анекдот, им рассказанный. Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора пришла в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с удивительною точностью, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностию сошла со ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию

Лукичу Долгорукову, взяла его за нос, — «нос был большой, батюшка» — пояснил старец — и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обведя кругом и остановясь против портрета Грозного, она спросила:

— Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?

— Знаю, матушка государыня!

— Чей он?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, так знай же и то, что, хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков сбиралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло!

Старец знал и последствия.

Этого Матвеевича в следующем году предписано мне было взять и доставить в Охотск. Он был прощен с возвращением чина и с дозволением выехать в Россию. Но ему было уже 96 лет, он ослеп и не захотел расстаться с Камчаткою; через год еще его уже не существовало».

То есть Петр Матвеевич Ивашкин-Квашнин родился примерно в 1707 году. Чтобы стать крестником императора Петра Первого, его родители должны были находиться в самом близком к императору кругу вельмож. Этот круг в значительной степени был очерчен теми лицами царского окружения, которые подписали смертный приговор царевичу Алексею Петровичу. Как известно, их было 128 человек.

Не подписал его лишь один из судей — фельдмаршал Б.П. Шереметев, якобы заявивший царю: «Служить своим государям, а не судить его кровь, моя есть должность». На самом деле, сказавшись смертельно больным, Шереметев не приехал из Москвы. Все остальные приговор подписали безоговорочно.

В том числе и лейб-гвардии прапорщик Дорофей Ивашкин — но где-то в самом конце длинного списка.

Но род Ивашкиных, если Петр Матвеевич действительно из этого рода, вовсе даже не был из захудалых.

Описание герба Ивашкиных

В щите, разделённом перпендикулярно на две части, от нижних углов к середине означено чёрное стропило с двумя на нём серебряными стрелами остриями вверх. Над стропилом в правом голубом поле видна выходящая из облака рука в серебряных латах с саблей; в левом серебряном поле крестообразно положены шпага и копьё, остриями в правую сторону. На середине щита и внизу по сторонам стропила изображены три шестиугольных звезды переменных с полями цветов. Под стропилом в золотом поле идущий по земле направо лев.

Щит увенчан дворянским шлемом и короной со страусовыми перьями. Намёт на щите голубой, подложенный золотом. Щит держат два льва. Герб внесён в Общий гербовник дворянских родов Российской империи, часть 6, 1-е отд., стр. 12.

Патриархом его считают Семена Федоровича Ковылу-Вислова, выехавшего (по сказаниям древних родовцев) из Литвы к великому князю Василию I Дмитриевичу

в Москву. Но дальнейшую службу он нес при великом князе Рязанском — Олеге. Его сын Семен Семенович был боярином великого князя Василия Васильевича, а правнуки — Иван, Юрий и Сидор Яковлевичи были боярами рязанского великого князя Ивана Федоровича.

От Ивана Яковлевича и пошел род Ивашкиных. В XVI и XVII веках многие Ивашкины служили полковыми и городовыми воеводами, стряпчими и стольниками. В Смутное время Максим Денисович Ивашкин служил воеводой в Крапивне и замучен там знаменитым атаманом Заруцким.

Но в круг именитых лиц, хотя бы чуть-чуть приближенных к особам Их Высочеств, вошел только лишь (и отнюдь не на первых ролях) прапорщик лейб-гвардии Дорофей Ивашкин и — через столетие! — обер-полицмейстер Москвы Петр Ивашкин, который принял столицу после французов.

Сведений о Петре Алексеевиче Ивашкине немного: годы жизни 07.05.1762–31.10.1823, генерал-майор (1809). Первый офицерский чин получил в 1795. Будучи полковником л. — гв. Измайловского полка, исполнял должность полицмейстера в Москве. 17.4.1809 назначен московским обер-полицмейстером.

12.12.1809 произведён в генерал-майоры. В 1812 занимался эвакуацией жителей и государственных учреждений из Москвы при приближении неприятеля, а после освобождения города руководил борьбой с мародёрами. 1.6.1813 награждён орденом Св. Владимира 2-й ст. «за оказанную бдительность в сохранении тишины и спокойствия между обывателями Московской столицы во время бытности неприятеля вблизи оной и за деятельность в поспешном восстановлении возможного порядка и устройства в сем городе по изгнании из оного неприятеля». 8.3.1816 из-за болезни снят с должности обер-полицмейстера, а 14 марта определён состоять по армии. Похоронен в Даниловом монастыре в Москве.

Награждён также орденами Св. Анны 1-й ст. с алмазами, Св. Георгия 4-го кл., Св. Иоанна Иерусалимского.

И с этим Ивашкиным также пришлось видеться Владимиру Ивановичу Штейнгейлю, который под руководством главнокомандующего Москвы графа Александра Петровича Тормасова занимался восстановлением сожженной французами столицы. В «Записках» Владимира Штейнгейля о полицмейстере Ивашкине всего одна строка: «Распущенность московской полиции заставила графа Тормасова переменить обер-полицмейстера Ивашкина».

Кстати, полицмейстером Москвы в период ее французской оккупации якобы был небезызвестный для камчатской истории сын бывшего французского посланника в России Лессепс, участник кругосветного плавания Лаперуза, возвращающийся по приказу своего капитана на родину через Россию, начиная с Петропавловского порта и проезжая всю остальную Камчатку, где он также мог, при желании, иметь встречу, как и англичане, со ссыльным переводчиком Квашниным. Но такой встречи не случилось...

И, кстати, еще одна историческая подробность, связанная с организацией порядка в Москве: с 12 мая 1854 года по 12 января 1858 года должность обер-полицейстера города исполнял Александр Александрович (Абрамович) Тимашев-Беринг (Беринг, Тимаш-Беринг) (1812–1872).

Родился в городе Задонске. Потомок мореплавателя Витуса Беринга. Из дворян Калужской губернии. Получил домашнее образование. Юнкер (1830), корнет (1831) лейб-гвардии Кирасирского полка (до 1839). Участник подавления польского восстания 1830–1831 годов (сражения под Сиядовым, при Рудках, Желтках, штурм Варшавы). Адъютант командира 6-го пехотного корпуса в чине ротмистра с переводом в Оренбургский уланский полк (1839), адъютант командира Отдельного кавказского корпуса (1839–1844), офицер резервного армейского 25-го эскадрона

(1844–1845). Московский следственный пристав, московский полицмейстер (1845), офицер для особых поручений при московском генерал-губернаторе (1849), член Московского попечительского о тюрьмах комитета (1851), московский вице-губернатор (1851–1854). Подполковник (1846), полковник (1847), генерал-майор (1855). Действительный статский советник (1851).

В отставке по болезни (1857). Зачислен в штат Министерства внутренних дел по армейской кавалерии (1866), председатель Комиссии по устройству тюремной части в Москве (1870). В отставке (1872).

Но был, оказывается, еще один из Ивашкиных, которому было уделено императорское внимание: в именном Его Величества в Бозе почивающего Императора Александра II Высочайшем указе, данном Правительствующему Сенату 9 августа 1878 года, изображено: «Снисходя на всеподданнейшее ходатайство нашего генерал-адъютанта, генерала от кавалерий Александра Потапова и во уважение особых его заслуг, Всемилостивейше соизволяем, не в пример другим и в изъятие из действующих узаконений, на усыновление им, Потаповым, нашего флигель-адъютанта полковника лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Модеста Ивашкина, с предоставлением сему последнему именоваться по фамилии «Ивашкиным-Потаповым», пользоваться гербом Потапова и вступить, по смерти его, с правами, законным детям принадлежащими, в наследование всем его благоприобретенным имуществом».

Но Ивашкины — только одна из ветвей некогда могучего боярского древа потомков Семена Федоровича Ковыла-Вислова. Может, нам больше повезет в поиске приближенных к императорским особам по другой линии потомков Ивана Яковлевича — родоначальника Ивашкиных.

Так, например, правнук Ивана Яковлевича, Федор Иванович по прозвищу Сунбул был родоначальник Сунбуловых — рязанских бояр.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ	3
ИВАШКИН ЛИБО КВАШНИН	9
СНОВИДОВ.....	62
ТУРЧАНИНОВ	84

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть II

КРЕСТНИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ООО «Свое издательство»

199053, Санкт-Петербург,

ул. Репина, 41

Телефон: (812) 900-21-45

Сайт: isvove.ru

Почта: editor@isvove.ru

Заказ № 1915-2

Подписан в печать 01.09.2017

Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии

ООО «Свое издательство»